

настолько сложные искажения, что почти лишаясь чувств" в моем переводе (да будет мне позволено не приводить здесь английский текст) звучит несколько иначе: "иногда синтаксис так сложно закручен, что кажется почти лишенным смысла" (все же "devoid of sense" не означает здесь "лишаться чувств"). Смущает меня и топоним "Эндемуса" (с. 54, 62). Может быть, все же имеется в виду не город Эндемуса (в Никейской империи — помечает В.А.), о путешествии в который пишет епископ Аджии Феодор, а *ὄντοδος ἐνδῆμουσα*, на заседания которого он ездил?

Хотел бы коснуться и способа транслитерации греческих слов с помощью латинского: он мне кажется весьма странным. Главное ведь в этом (если уж нельзя набрать греческий) — чтобы греческий термин или слово можно было легко узнать, а у В.А. это не так-то просто сделать. Попробуйте узнать женский артикль *ἡ*, если он передан латинской буквой "e" (тогда уж нужно "he" или "i"); в латинском шрифте есть буква "k", которой и надо пользоваться для передачи "капсы", а не использовать "с"; ну и так дальше. Немало странностей и в транскрибировании некоторых имен на русский: Ласкарид вместо принятого Ласкаръ или Ласкарис, Амирудз вместо принятого Амирутци, Исэа вместо Исаяя, Феодор Газ вместо Газа, и т.д. Грешит нередко "изысканиями" и стиль монографии¹, неудачными, в частности, я считаю такие термины и выражения как "симплификация" (с. 4), "легислативные источники" (с. 11 — как будто хуже русское "законодательные"), "типтерифицировать" в смысле "абсолютизировать" (с. 25), "эпистография — многослойное свидетельство" (с. 26), "шокирующие фрагментарность" (с. 26), "гомогенные оценочные суждения" (с. 27), "цезура" в значении "лакуны" (с. 58 — на мой взгляд, совершенно невозможное использование слова!), "конформные сооружения" (с. 84), "бинарное сословие" (с. 144), и т.д.

И.П. Медведев

Demetrios Kydones. Briefe / Übers. und erl. von Franz Tinnefeld. Stuttgart: Hiersemann, 1991. Teil II (91 Briefe, Register). 250 S. (Bibliothek der griechischen Literatur. Bd. 33)

В очередном томе "Библиотеки греческой литературы" немецким исследователем Ф. Тиннефельдом продолжена публикация перевода писем византийского писателя и политического деятеля XIV в. Димитрия Кидониса. Ранее в этой же серии (Т. 12, 1981; Т. 16, 1982) Ф. Тиннефельдом было издано в немецком переводе 138 писем этого автора.

Первое, что бросается в глаза при знакомстве с изданием, это то, что очередной том несколько "похудел": в нем всего лишь 250 с. по сравнению с 682 с. двух полутомов первой части. Уменьшение объема в основном связано с сокращением объема комментариев к письмам, преимущественно за счет эпистографических, риторических и стилистических наблюдений, весьма богатых в первой части этого издания. Ф. Тиннефельд обещает компенсировать отсутствие (или уменьшение) комментария такого рода статьей, которая представит стиль писем Кидониса в систематизированном виде после завершения перевода всех писем, что в виде частичных наблюдений было представлено им в докладе на XVI Международном конгрессе византистов¹.

В рецензируемый том включено 91 письмо (№ 139–229 по нумерации переводчика). Эти письма, в отличие от расположения их в первых двух полутомов, представлены в виде девяти групп, в целом соответствующих тем, которые отмечены в издании греческих текстов писем Димитрия Кидониса².

В основу второй части издаваемых Ф. Тиннефельдом писем положены, за исключением первых семи эпистул, письма автографической рукописи A (Vat. gr. 101) и в меньшей степени рукописи U (Vat. Urb. gr. 133). Ученый исходит в своем издании переводов писем как из соблюдения предложенных Р. Ленертцем "Series epistularum chronologica", так и из собственной датировки писем. Сохраняя выделенные Р. Ленертцем хронологические группы, Ф. Тиннефельд иногда предлагает отдельную передвижку писем между этих групп, что вполне оправдано в связи с накоплением исследовательского опыта в изучении эпистолярного наследия Димитрия Кидониса за те тридцать с лишним лет, что отделяют 33-й том "Библиотеки греческой литературы" от издания писем Кидониса Р. Ленертцем.

Из девяти выделенных групп писем лишь четыре являются датированными: это группы 2, 3, 7 и 8, содержащие в целом 56 писем. Датировка писем в основном приблизительная, порой в пределах двух лет. В том включено еще одно датированное письмо T 146/168, написанное Кидонисом перед поездкой на Лесбос в 1373–1374 гг. и таким образом хронологически оно могло быть отнесено к предыдущему тому писем.

В группу 2, соответствующей в издании Р. Ленертца девятому номеру хронологического списка (С II, 489, № IX), включены письма, относящиеся приблизительно к периоду от осени 1374 по август 1376 гг. В группе 3 (С II, 490, № X) — письма примерно от ноября 1376 по осени 1378 г. Внутри групп Ф. Тиннефельд стрел-

erertz // Studi e Testi. 186, 208. Citta del Vaticano, 1956. Т. I; 1960. Т. II.

¹ Tinnefeld F. Kriterien und Varianten des Stils im Briefcorpus des Demetrios Kydones // XVI. Internat. Byzantinistenkongr. Wien, 1982. S. 257–266.

² Demetrius Kydonès. Correspondance / Ed. R.-J. Lo-

мится уточнить по возможности датировки по сравнению с теми, которые были представлены Р. Ленертцем в более "свободных" рамках. Так, например, письмо Т 178/L 190, адресованное Иоанну Ласкарису Калоферу, вместо предложенной Р. Ленертцем даты (1378–1379 гг.), имеет датировку – вскоре после 20.9.1378 (т.е. дня избрания антипапы Климента VII).

Письма группы 7 (С П, 490, № XI) датированы 1381–1382 гг. Из этой группы исключены недатируемое письмо Т 0225/L 216, перенесенное переводчиком в группу 9, а также ряд писем (L 231–237), поскольку они, относясь к концу 80-х годов, выходят за хронологические рамки тома.

К группе 8 отнесены два письма с Лесбоса (С П, 491, № XII), относящиеся к весне 1382 г., а также еще одно письмо приблизительно этого же времени (С П, 490, № XI). Таким образом, все датированные письма рецензируемого издания относятся к периоду между 1373–1374 гг. и весной 1382 г.

В рецензируемой части издания 34 письма или не имеют вообще датировки, или датированы с разрывом в несколько лет (недатированные письма имеют нуль перед своим порядковым номером). По сравнению с первой частью издания число таких писем возросло: там число "широко" датированных писем составляло лишь 21 из 138. Проблема датировки писем становится как для их переводчика-издателя, так и для будущих исследователей одной из важных, поскольку каждое письмо несет определенную (порой тщательно спрятанную) информацию либо о каком-то событии, персоне или о самом авторе. Несмотря на глубокое проникновение переводчика в смысловую ткань писем, предстоит еще огромная работа как по первоначальной, так и по уточняющей датировке писем. Жаль, что в комментариях к отдельным письмам подобного рода аргументация заметно сократилась.

Как и в первой части, каждое письмо имеет регест, называющий по возможности адресата, местонахождение автора и его корреспондента, а также приводится краткое резюме содержания письма. Как и раньше, на полях указываются строки греческого текста по изданию Ленертца. То, что во второй части переводов Ф. Тиннефельд ввел в текст писем косую черту как указатель начала строки, значительно облегчает поиск соответствующего фрагмента в оригинале, хотя, разумеется, такое разделение текста не может быть очень строгим, так как при переводе порой невозможно обойтись без перестановки слов. Появились во втором томе и острые скобки, которых не было в первых двух полутомах. Они, как принято, обозначают добавленные при переводе слова. В связи с этим Ф. Тиннефельд поднимает проблему "свободного" перевода (с. 12). Однако на первый план ученый по-прежнему ставит принцип верности передачи текста в переводе.

Что касается комментирования текстов, то если в первых двух полутомах оно составляло

равноценную, наряду с переводом, часть работы ученого, то сейчас, как уже отмечалось, оно значительно сократилось.

Заметно обеднел рецензируемый том в связи с отсутствием биографических экскурсов и заметок, связанных с адресатами и персонажами писем. Особенно это имело смысл в отношении лиц малоизвестных или совсем не известных. Если в первой части переводов писем подобных справок было приведено около девяноста, то сейчас ученый совсем отказался от подобной практики. Может быть, не следовало приводить биографий таких адресатов, как Иоанн V Палеолог или Мануил II, но сведенные воедино данные о корреспондентах, не занимавших, предположим, видных мест в правительственной иерархии, облегчают читателю работу с письмом, освобождая его от мелких розысков. И, кроме того, воспроизведение на фоне текстов писем контуров биографий десятков малоизвестных людей обогащает видение эпохи, напоминает о тысячах тех, кто остался за пределами писем, о наполненности исторического процесса "человеческим материалом".

Среди адресатов Дмитрия Кидониса в рецензируемом томе, наряду с представителями Палеологов и "старыми знакомыми", которым эпистолограф писал и ранее – Николаем Кавасилой Хамаетом, Дмитрием Ангелом Маникайтисом, Иоанном Ласкарисом Калоферосом, Мануилом (?) Тарханютом – появились и новые лица, среди которых были и совсем молодые люди (Т 217, 0229). К последним можно причислить и ученика Дмитрия Кидониса Радена, цикл писем к которому много дает для характеристики Кидониса как личности. Этот цикл лег в основу написанного Ф. Тиннефельдом несколько лет назад очерка, сюжет которого построен на анализе психологической подосновы отношений стареющего учителя к юному ученику, стоящему на пороге выбора жизненного пути³.

В издании есть много адресатов, имена которых не восстанавливаются. Это не получают писем Кидониса, кого Ф. Тиннефельд называет "литературно образованным другом" (Т 0189, 0191), "сыном умершего друга" (0188), "мнимым другом" (0180) и др. Вероятнее всего, они так и останутся безвестными.

Перевод письма как самого рафинированного риторического жанра требует особой переводческой тонкости, порой даже на уровне интуиции. Ф. Тиннефельду удалось в этой работе найти "золотую середину", когда письмо не утрачивает особенностей авторской стилистики, но в то же время не выглядит лишь как памятник далекой эпохи, приобретаая в современном переводе созвучность восприятию сегодняшнего читателя.

Как заметил И. Шевченко, намек в византийском письме, в отличие от современной "лите-

³ *Tinnefeld F. Freundschaft und PAIDEIA: Die Korrespondenz des Demetrios Kydones mit Rhadenos // Byz. 1985. T. 55, Fasc. 1. S. 210–244.*

ратуры подтекста", всегда имеет только один конкретный смысл⁴. Разумеется, споры относительно интерпретации того или иного письма (либо отдельного пассажа) могут и должны возникнуть. Однако возможное столкновение мнений лишь продвинет ученых по пути адекватного понимания того или иного письма.

⁴ *Sevcenko I. Nicolai Cabasilas' Correspondence and the Treatment of Late Byzantine Literary Texts // BZ. 1954. Bd. 47. Nbd. 1. S. 49.*

Византистика в Журнале испанских эллинистов

Издающемуся в Испании журналу "Erytheia"¹ – десять лет. С 1982 года вышло двенадцать его номеров. Появление этого издания связывают с растущим в последние годы интересом испанских ученых к византийской тематике. Вот уже десять лет в Испании регулярно проводятся византийские чтения, несколько лет назад испанские ученые присоединились к международному сообществу византистов и формально. Издаваемый под эгидой Испано-греческой Культурной Ассоциации журнал, впрочем, не ограничивает себя хронологическими рамками византийского периода: определенное внимание уделяется в нем истории и культуре Греции также более позднего времени вплоть до новейшего. Изящное оформление небольших по формату томиков "Эритейи" (каждый номер выходит чаще всего двумя выпусками) отличает их по виду от обычной академической периодики.

Спектр научных исследований в "Эритейи" весьма широк – это археология и лингвистика, искусство и палеография, история и литературоведение. Сам характер материалов в известной степени предопределен молодостью испанской византистики, обусловлен новизной обращения к византийским темам. Так, в первых номерах отдельные статьи явно рассчитаны на то чтобы завлечь читателя авантюриными, истинно "византийскими" сюжетами, вызвать интерес к предмету у "непосвященных". Примером могут служить такие статьи, как "Феодора до императорских облачений" Луиса Альберто де Куэнка или "Велисарий, история и легенда" Хулио Валеро Гарридо (обе с № 1).

Впрочем, эту своего рода просветительскую линию редакция "Эритейи" не оставляет и далее, выходя, однако, на иной, более серьезный уровень читательских интересов. В журнале сложился особый тип статей: не являясь непосредственным и оригинальным исследованием источников, они представляют собой аналитический обзор современных взглядов на ту или иную проблему, в котором находит место и аргументируется, как правило, также и собственная точка зрения автора обзора.

Своего рода образцом подобного жанра можно считать большую, на три печатных листа,

¹ *Erytheia: Revista de estudios bizantinos y neogriegos. N 11–12 / Ed. Pedro Bádenas de la Pena.*

Ф. Тиннефельдом осуществлен перевод немногим более половины эпистолярного наследия Димитрия Кидониса, Одного из самых плодотворных в XIV в. корреспондентов. Предстоит издать переводы еще 220 писем этого автора. Следует надеяться, что эта колоссальная работа по переводу и осмыслению большого корпуса писем будет завершена.

М.А. Поляковская

статью Антонио Браво и М. Хосе Альвареса "Византийская цивилизация XI–XII веков – заметки к неоконченным спорам" (№ 9-1), которая вводит в круг важнейших вопросов современной византиноведческой науки. Великолпно ориентирующиеся в большом потоке литературы авторы ставят своей задачей "познакомить испанского читателя-неспециалиста с некоторыми проблемами интерпретации византийского общества XI–XII веков, предложенной в книгах Александра Каждана и в некоторых других новейших работах". Этот серьезный анализ проблем, поставленных учеными-византистами (особое внимание уделено изучению экономической истории Византии в контексте Западной Европы), будет полезен каждому, кто захочет получить информации, в том числе и библиографическую, о византийском обществе XI–XII вв. в свете современной научной мысли.

В таком же жанре выдержаны и некоторые другие работы Антонио Браво. Так, в статье "О судьбах греческой поэзии в Византии" (№ 7-2), придерживаясь тезиса о континуитете и опираясь на труды Р. Браунинга, Г. Хунгера и некоторых других исследователей, Антонио Браво прослеживает бытование, трансформацию и роль античной словесности в разные периоды византийской истории. В статье "Интерпретация сновидений в Византии" (№ 5) в поле зрения Антонио Браво попадают главным образом работы известных византистов К. Мэнго и Ж. Дагрона. Суммируя итоги их наблюдений, испанский ученый показывает, что произведения, касающиеся сновидений – области, казалось бы, ирреальной, содержат сведения о таких конкретных и существующих сторонах действительной жизни, как игры и медицина, ремесла и общественные бани, похороны и проституция, еда, праздники и прочее. Мимо этих сочинений, – справедливо отмечает Браво, – нельзя пройти, создавая портрет византийского общества.

К тому же типу, что и отмеченные выше работы, тяготеет и статья К. Серрано о Фотии как носителе классической культуры, а также основательный труд Ш. Энол "История и археология палестинских провинций в византийский период", где современные достижения археологии обобщаются и сопоставляются с данными письменных источников (№ 9-2).